

О ПЕРСПЕКТИВАХ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНОЛОГИИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИВИЛИСТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Д. С. Аулов

Воронежский государственный университет

ON THE PROSPECTS OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGY IN THE PROCESS OF RUSSIA

D. S. Aulov

Voronezh State University

Аннотация: рассматривается проблема перспективности цифровизации цивилистического процесса в современных российских реалиях. Исследуются вопросы дефинитивного определения искусственного интеллекта, его места в системе гражданских правоотношений, значения для процессуальной науки и судебной практики. Делаются выводы о целесообразности использования искусственного интеллекта в качестве компаньона судьи и преждевременности идеи полного перехода к электронному правосудию.

Ключевые слова: искусственный интеллект, гражданский процесс, цифровизация судопроизводства, предиктивное правосудие.

Abstract: in this paper, the problem of the prospects of digitalization of the civil process in modern Russian realities is considered. The issues of the definitive definition of artificial intelligence, its place in the system of civil legal relations, its significance for procedural science and judicial practice are investigated. The author draws conclusions about the expediency of using artificial intelligence as a judge's companion and the prematurity of the idea of a complete transition to electronic justice.

Key words: artificial intelligence, civil process, digitalization of judicial proceedings, predictive justice.

Активное внедрение информационных технологий в юридическую деятельность бросает вызовы, требующие пересмотра подходов правового регулирования общественных отношений в условиях цифровой экономики. Процессы автоматизации и роботизации представляют собой уже не научную фантазмагорию, а объективную реальность, получившую не только теоретическое обоснование, но и практическое применение. Яркими ее примерами являются внедрение ПАО «Сбербанк» робота-юриста, способного осуществлять проверку правоспособности юридических лиц, автоматизация процедуры принятия решений сотрудниками службы судебных приставов и др. Известен и успешный опыт

иностранных государств по интеграции искусственного интеллекта в правовые реалии. Например, в США действует платформа аналитики судей и судов «LegalAnalyticsPlatform», в странах Европы – программа «предсказанного правосудия»¹. Недавно стало известно, что в одном из американских судов представление интересов стороны по делу доверили роботу-юристу.

Внедрение цифровых технологий по-прежнему является одним из приоритетных направлений правовой политики и Российского государства. Так, в соответствии с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта»

¹ См.: Бирюков П. Н. Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79–87.

та на период до 2030 года», утвержденной Указом Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (далее – Национальная стратегия, Стратегия), одной из ключевых целей реализации которой является создание условий «для эффективного взаимодействия государства, организаций...», «для улучшения уровня жизни населения...»².

В юридической доктрине активно обсуждается вопрос цифровизации судопроизводства и разработки так называемого «машинночитаемого права» в целях оптимизации процедуры защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Некоторые шаги в этом направлении уже предпринимаются. В частности, регламентированы и реализованы на практике инструменты видео-конференц-связи и онлайн-заседаний, функционируют государственные автоматизированные системы «Правосудие» и «Мой арбитр». В рамках недавно состоявшегося X Всероссийского съезда судей его делегатами обсуждались перспективы использования искусственного интеллекта непосредственно при отправлении правосудия, в частности мировыми судьями при подготовке и вынесении судебных приказов³.

Вместе с тем, как справедливо отмечается в Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 г., в настоящее время отсутствует специальное законодательное регулирование, которое учитывало бы особенности применения робототехники при совершении юридически значимых действий⁴.

Дефиниция «искусственный интеллект» и ее правовое значение

События последних лет способствовали совершенствованию механизма обработки большого объема информации и, как следствие,

² О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5700.

³ О развитии судебной системы Российской Федерации : постановление X Всероссийского съезда судей от 1 декабря 2022 г. № 1. Доступ из информ.-правовой системы «Гарант».

⁴ Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года : распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 35. Ст. 5593.

трансформации системы отправления правосудия. Результатом данных преобразований стала частичная деритуализация и дематериализация цивилистического процесса. В первом случае речь идет об исключении традиционных установок из судопроизводственной и судопроизводственной деятельности; во втором – о цифровизации правосудия путем создания виртуального судебного пространства (например, введение онлайн-заседаний). В связи с этим все чаще встает вопрос правовой регламентации искусственного интеллекта как в материальном, так и в процессуальном праве⁵.

Доктринальное толкование рассматриваемой дефиниции в большинстве случаев сводится к совокупности характеристик и свойств как результата научно-технической деятельности человека. С позиции познавательного процесса (онтологический аспект в философии) искусственный интеллект представляет собой «машинный разум», созданный по подобию человеческого, однако не обладающий аналогичными когнитивными и мыслительными способностями⁶.

Попытку сформулировать собственно юридическое определение делает в своем диссертационном исследовании и П. М. Морхат. По его мнению, искусственный интеллект – это «полностью или частично автономная самоорганизующая (и самоорганизующаяся) компьютерно-аппаратно-программная виртуальная или киберфизическая, в том числе биокибернетическая, система (юнит), не живая в биологическом смысле этого понятия, с соответствующим математическим обеспечением, наделенная/обладающая программно-синтезированными (эмулированными) способностями и возможностями...»⁷.

Думается, для целей права предлагаемые определения не являются репрезентативными в силу их чрезмерно «технического характера»

⁵ См.: Афанасьев С. Ф. К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 12–31 ; Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Там же. № 5. С. 204–227.

⁶ См.: Хисамова З. И., Бегишев И. Р. История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект» // Алтайский юрид. вестник. 2020. № 3 (31). С. 31–38.

⁷ Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 92–93.

и загруженности специальной технологией, не свойственной юриспруденции. Для преодоления возникшей неопределенности в доктрине предлагается использовать один из следующих подходов – дескриптивный или утилитарно-конструктивистский.

Первый характеризует искусственный интеллект через категорию сущность и основные свойства (аналог человеческого мышления, способность автономного принятия решений, способные приводить к созданию интеллектуального достижения). Вместе с тем встает дискуссионный вопрос о признаках субъектности искусственного интеллекта и его возможной квалификации как участника правоотношений.

Второй подход сложился в противоположность рассмотренному нами первому. Его сторонники полагают вполне допустимым определение искусственного интеллекта без обращения к свойствам, имитирующим способности человеческого сознания. Такого рода детерминирование искусственного интеллекта приводит к выделению характеристик, позволяющих определить его как правовое явление, используемое в инструментальном плане: объектность, способность к рационализации совершаемых действий, служебный (вспомогательный) характер.

Единственным на сегодняшний день нормативным правовым источником, в котором принята попытка определить термин «искусственный интеллект», является Национальная стратегия искусственного интеллекта, в которой он представлен как «комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Принимая во внимание инвариативность представленных взглядов, представляется целесообразным рассматривать искусственный интеллект в широком и узком смыслах. Так, в Стратегии различается «слабый» искусственный интеллект, способный «решать узкоспециализированные задачи», и «сильный» (универсальный), предназначенный для его использования в различных сферах научного знания.

Применительно к цивилистическому процессу, на наш взгляд, релевантным представляется понимание технологий искусственного ин-

теллекта в узком смысле (выступающий, по сути, как утилитарно-конструктивистский), согласно которому цифровизация судопроизводства рассматривается как способ оптимизации отправления правосудия, а искусственный интеллект – как вспомогательный инструмент для ее реализации. Не случайно в юридической доктрине в связи с этим уже ведутся активные дискуссии о перспективах развития в отечественной цивилистике так называемого «предсказанного правосудия» (в научных изданиях можно также встретить термин «предиктивное правосудие»)⁸.

Искусственный интеллект с позиции теории правосубъектности

Наряду с определением юридического понятия искусственного интеллекта не менее дискуссионным является вопрос определения его места в системе правоотношений – субъект права или объект права. В настоящее время сформировалось несколько концепций правосубъектности искусственного интеллекта: 1) применение положений законодательства по аналогии с физическими лицами; 2) идея равнозначности правовому режиму животных; 3) аналогия юридического лица (роботы-агенты); 4) теза «субъект – вещь»; 5) концепция «электронного лица». Вместе с тем каждая из предлагаемых концепций не лишена недостатков.

1. Искусственный интеллект не обладает в полной мере ключевыми атрибутивными свойствами человеческого сознания (воля, интерес, самосознание, автономия мышления и принятия решений). В действительности, весьма затруднительно говорить о наличии у него полной правосубъектности (право-, дееспособности, деликтоспособности) и способности быть полноправным участником гражданских правоотношений. Иное свидетельствовало бы, например, о признании за искусственным интеллектом возможности вступать в брак, нести гражданско-правовую ответственность, участвовать в деятельности корпораций, отправления правосудия и т.п. Следует согласиться с мнением

⁸ См., например: *Брановицкий К. Л., Ярков В. В.* Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии : предиктивное правосудие // *Право и цифровая экономика*. 2021. № 4. С. 7–13. См. также: *Соседова М. В.* Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел : предсказанное правосудие // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 5. С. 32–37.

А. А. Иванова, что «крайне сложно, если вообще возможно, перевести на машинный язык такие понятия, как «злоупотребление правом» или «внутреннее убеждение судьи», которые обусловлены субъективным восприятием информации человеком и не всегда основываются на следовании определенному алгоритму. «Нелогичность права – это его свойство, которое лежит на поверхности»⁹.

2. В отличие от животных искусственный интеллект создается не самой природой в ее естественных условиях, а благодаря творческому и умственному труду человека. Кроме того, считается, что искусственный интеллект способен считывать эмоции и самостоятельно моделировать поведенческую ситуацию. В то же время животные не обладают такой способностью, они не наделены склонностью к самоанализу и критическому мышлению, их действия или бездействие обусловлены инстинктом.

3. В 2016 г. юридической фирмой Dentons был разработан законопроект, заключающийся во внесении в действующее гражданское законодательство поправок и претворении в жизнь идеи специальной правосубъектности робототехники. Впоследствии в правовой доктрине стали активно выдвигаться предложения по рассмотрению искусственного интеллекта в качестве «электронного лица» (робота-агента)¹⁰.

Особенностью концепции «субъект – вещь» является дуалистический характер определения правовой природы искусственного интеллекта: с одной стороны, он выступает в качестве объекта (вещи), поскольку у него есть собственник, а с другой – искусственный интеллект представляет собой вещь, наделенную волей и сознанием, что, к слову, близко к идее робота-агента. Безусловно, представленный подход идет вразрез устоявшейся классической теории лиц в гражданском праве, известной еще со времен права римского. Так, вещь (*res*) в римском праве – это предмет материального мира, не способный быть субъектом права, выступающий в качестве ценности, блага или комплекса прав и обязанностей и обладающий правовой целостностью¹¹. Иными словами, под ве-

щью традиционно понимается неодушевленный предмет.

Правовой статус искусственного интеллекта, близкого к юридическому лицу, также вызывает сомнения. В некотором смысле искусственный интеллект выступает как фикция, поскольку предпосылкой действий, совершаемых роботизированной техникой, служит программное обеспечение, алгоритмы и система кодов, разработанных и внедренных человеком, а не воля самой машины на их совершение. Ввиду обозначенного вопрос квалификации искусственного интеллекта по признакам юридического лица (имущественная состоятельность, организационное единство, самостоятельная имущественная ответственность, выступление в гражданском обороте от своего имени, автономия воли при осуществлении деятельности) и классификационной принадлежности (по организационно-правовой форме, цели деятельности, наличию или отсутствию системы корпоративных прав и обязанностей и др.) порождает еще большую уверенность в несостоятельности данной концепции применительно к искусственному интеллекту.

Таким образом, идея признания за искусственным интеллектом правосубъектности физического или юридического лица вопреки использованию принципов, аналогичных работе головного мозга человека, в настоящее время видится преждевременной. При совершенствовании технологий искусственного интеллекта и максимальном приближении к мыслительно-познавательной деятельности человека в будущем возможно их наделение правовым статусом квазисубъекта¹² или особого субъекта права.

Следовательно, на современном этапе искусственный интеллект в системе гражданских правоотношений справедливо относить к объектам гражданского права (ст. 129 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ))¹³, поскольку он представляет собой не что иное, как результат интеллектуальной деятельности (про-

ческого правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 115–143.

¹² См.: Лантев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 96.

¹³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) : федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301 ; 2022. № 16. Ст. 2601.

⁹ LegalTech и юристы будущего / И. Кондрашов [и др.] // Закон. 2017. № 11. С. 20–36.

¹⁰ См.: Аксенова М. А. Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. 2020. № 7. С. 18–24.

¹¹ См., например: Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономи-

грамма, программное обеспечение), созданный с целью осуществления вспомогательной функции при осуществлении гражданских правоотношений.

Место искусственного интеллекта в системе процессуальных отношений

Цифровизация судопроизводства стала одним из ключевых векторов оптимизации и совершенствования цивилистического процесса. Принимая во внимание систему методов, составляющих основу гражданских процессуальных правоотношений, вопрос о правовом положении искусственного интеллекта в судопроизводительной деятельности следует рассматривать еще более категорично. В частности, одним из устоявшихся процессуальных постулатов в свете цифровизации является сохранение независимости судьи при использовании технологий. Последние должны выступать исключительно в качестве вспомогательного механизма при отправлении правосудия, не влияя на сущность и содержание судебного акта, принимаемого по итогу рассмотрения и разрешения дела. В связи с этим можно вести речь об инструментальном подходе к использованию цифровых технологий и достижений в судопроизводстве.

В противовес данным выводам в научной литературе приводится тезис о том, что использование в правосудии искусственного интеллекта позволило бы максимально объективно, беспристрастно и, самое главное, справедливо принимать решения, строго следуя нормам закона. Однако не всё так однозначно, как представляется сторонникам данной идеи.

Во-первых, будучи объектом гражданских правоотношений, искусственный интеллект априори по своей природе и содержанию не может трансформироваться в субъект гражданских процессуальных правоотношений. В отсутствие волевого и сознательного компонента представляется весьма сомнительным участие искусственного интеллекта в процессе. Так, например, суд как центральная фигура в осуществлении правосудия назначается в установленном законом порядке, обладает властными юрисдикционными полномочиями, а при разрешении дела и оценке представленных доказательств руководствуется своим внутренним убеждением. Как справедливо отмечает В. В. Момотов, «специфика судейской работы, связанная с умени-

ем не только применять и понимать закон, изучать и определять роль различных факторов при принятии решения, но и учитывать в некоторых случаях психологические и даже этические аспекты, делает такую работу непосильной для искусственного интеллекта»¹⁴. Обращает на себя внимание и получивший закрепление в Европейской этической хартии об использовании искусственного интеллекта в судебных системах¹⁵ принцип пользовательского контроля, в соответствии с которым:

- судья вправе не согласиться с решением, предлагаемым к принятию искусственным интеллектом, а вынести свое собственное по рассматриваемому делу;
- любому лицу предоставлено право на обращение в суд без использования искусственного интеллекта, а равно право на обжалование решений, вынесенных искусственным интеллектом.

Безусловно, цифровые технологии создают правовую основу и гарантии объективизации правоприменительной деятельности, однако подобные преобразования заставляют задуматься о дальнейшем существовании в гражданском законодательстве морально-нравственных паттернов и оценочных категорий, используемых индивидуально и с учетом обстоятельств конкретного дела (в частности, такие как «добросовестность», «злоупотребление правом» (ст. 10 ГК РФ), «компенсация морального вреда» (ст. 151 ГК РФ), «степень заботливости и осмотрительности» (ст. 401 ГК РФ), «разумный срок судопроизводства» (ст. 6.1 ГПК РФ)).

Во-вторых, внедрение технологий искусственного интеллекта неминуемо скажется на стабильности принципов гражданского судопроизводства как отправных начал правосудия по гражданским делам, что потребует не толь-

¹⁴ Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве : состояние, перспективы использования // Вестник ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 190.

¹⁵ См.: Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях (CEPEJ (2018)14) (вместе с «Углубленным исследованием вопроса...», «Видами использования», «Глоссарием», «Контрольным перечнем вопросов...», «Пояснительной запиской») : принята в г. Страсбурге 03.12.2018–04.12.2018 на 31-м пленарном заседании Европейской комиссии по эффективности правосудия. URL: <https://www.coe.int/en/web/cepej/cepej-work/quality-of-justice> (дата обращения: 15.01.2023).

ко их пересмотра, но и возможного отказа от некоторых из них. Прежде всего, в контексте принципа доступа к правосудию повсеместная технологизация ограничит право лица на обращение в суд и сделает затруднительной или невозможной в принципе подачу документов по усмотрению лица (на бумажном носителе, в электронном виде). В рамках самого судебного разбирательства сторонам по делу придется столкнуться с ограничением действия принципа состязательности сторон (необходимость в реализации права быть выслушанным и услышанным при переходе на «электронные рельсы правосудия» попросту отпадет). Существенно снизится в этом случае и роль суда в руководстве процессом, в частности при оказании содействия в реализации прав лицами, участвующими в деле (в том числе в примирении сторон), в создании условий для полного и всестороннего исследования доказательств. Принципы гласности и устности утратят свою значимость за ненадобностью. Претерпит существенную корреляцию и оценка представленных в дело доказательств на предмет их относимости, достоверности, допустимости и достаточности, поскольку в настоящее время процедура доказывания предопределяется тесной коммуникацией между судом и участниками процесса, а также судебским усмотрением в каждом конкретном случае. Принятие таких юридически значимых решений, как вынесение судебного решения (как известно, судебные акты принимаются именем Российской Федерации), по сути, поставит под сомнение актуальность принципов осуществления правосудия только судом, единоличного (или коллегиального) рассмотрения гражданских дел, а также, как нами уже упоминалось выше, независимость судей. Можно ли будет при замещении судьи на технологии искусственного интеллекта говорить о правосудии в принципе? Не исчерпает ли оно себя подобной трансформацией?

В-третьих, при осуществлении правосудия судья руководствуется не только буквой, но и духом закона, поскольку цель разрешения гражданского дела по существу состоит не только в правильном применении норм материального и процессуального права с последующим применением их по отношению к спорящим сторонам, но и восстановление справедливости. Не случайно ст. 6 Конвенции о защите прав челове-

ка и основных свобод¹⁶ гарантирует каждому обратившемуся в суд, прежде всего, право на справедливое судебное разбирательство.

Думается, что при использовании технологий искусственного интеллекта как результата алгоритмизации человеческими руками с полным замещением работы судьи-человека будет нарушаться целостность процесса в его классическом и устоявшемся понимании. Правоприменительная деятельность осуществляется не только посредством особой процессуальной формы, но и судебного усмотрения, предполагающего наличие свободы действий и выбора в рамках правовых норм. А оно, как справедливо отмечает А. В. Аргунов, «формируется через правосознание, идеологические нормы-принципы, которые ложатся в основу законного выбора судьи и не могут быть переведены в компьютерный код»¹⁷.

С учетом рассмотренного целесообразным представляется электронное обеспечение правосудия через внедрение искусственного интеллекта в судебную систему Российской Федерации в качестве помощника судьи. Представленный подход можно рассматривать как дополнительную гарантию реализации прав и свобод человека и гражданина.

О направлениях использования технологий электронного обеспечения правосудия

В настоящее время научно-технические достижения ограничиваются их использованием в суде, как правило, при решении задач технического характера (например, автоматическое распределение дел между судьями). Вместе с тем в целях оптимизации судоустройственной и судопроизводственной деятельности представляется оправданным и допустимым использование искусственного интеллекта в следующих направлениях:

- автоматизация юридического перевода;
- автоматизация делопроизводства в суде (классификация и распределение судебных документов, формирование и ведение дел);
- интеллектуальный мониторинг судебных ошибок и расчета вариантов принятия судебного

¹⁶ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г. (с изм. от 24.06.2013) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. № 2. Ст. 163.

¹⁷ Аргунов А. В. Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 48.

го решения (на основе мониторинга аналогичной или схожей судебной практики по заданным судьей исходным данным, например в форме ключевых фраз, слов, обстоятельств дела и т. п.).

Наряду с указанными предложениями, не меньший научно-практический интерес вызывает проблема использования искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных категорий дел. Думается, в современных условиях такая возможность представляется пока только в отношении однотипных судебных дел, разрешаемых в порядке приказного производства. Программное обеспечение, построенное на модели искусственного интеллекта, позволит судье оптимизировать деятельность по вынесению судебных решений в части подготовки их проектов. Впоследствии с развитием технологий и увеличением диапазона глубины обработки информации перечень таких дел можно увеличить, дополнив его делами, рассматриваемыми в порядке упрощенного производства, а также дела с небольшим объемом исходных данных (например, о расторжении брака в отсутствие спора о детях, о взыскании задолженности по договору).

Привлекательной в правовом смысле является идея оптимизации однотипных судебных дел с участием нескольких лиц на стороне истца или ответчика (процессуальное соучастие, групповые иски). Однако подобные преобразования видятся преждевременными в силу особенностей рассмотрения упомянутых категорий дел. Вопреки численному составу и однородности заявленных требований, данные дела требуют недопущения судебной ошибки и активной роли суда в руководстве процессом при рассмотрении гражданского дела. По нашему мнению, сомнительной представляется перспектива передоверия искусственному интеллекту разрешения вопросов о присоединении к группе лиц, замене представителя группы лиц в процессе, распределении судебных расходов по делу и вынесении решения в отношении соистцов (соответчиков) или каждого участника группы лиц, поскольку данные вопросы требуют непосредственного участия судьи и его усмотрения в разрешении вопроса в пользу той или иной стороны с учетом всех обстоятельств дела. Кроме того, не стоит забывать, что в настоящее время групповые иски являются малоизученным явлением в юридической доктрине и не получили пока широкого распространения и повсеместного применения в судебной практике.

Осуществление судебной деятельности в условиях цифровизации требует детального рассмотрения и оценки перспектив внедрения механизмов упрощения и ускорения судебного разбирательства как с теоретической, так и практической точек зрения.

По мнению Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники Европейского Парламента, постепенно искусственный интеллект перерастет из категории слабого в сильный, благодаря чему сумеет бросить вызов способностям человека к самоконтролю, анализу и критическому мышлению, ставя под сомнение наличие только у человека возможности руководствоваться собственными эмоциями и убеждением при реализации прав и свобод.

Следовательно, цифровизация правосудия не должна стать исключительно средством эффективного разрешения споров и конфликтов. Внедрение искусственного интеллекта в право не должно нивелировать место и роль человека в нем, а также обесценивать основополагающие принципы национального и международного права (справедливость, гуманизм, безопасность, эффективность и др.).

Библиографический список

- Аксенова М. А.* Концепция «электронного лица» в правовом пространстве // Юрист. 2020. № 7. С. 18–24.
- Аргунов А. В.* Искусственный интеллект рассудит? // Вестник гражданского процесса. 2018. № 5. С. 48.
- Афанасьев С. Ф.* К проблеме материальной и процессуальной правосубъектности искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 3. С. 12–31.
- Бирюков П. Н.* Искусственный интеллект и «предсказанное правосудие»: зарубежный опыт // Lex Russica. 2019. № 11 (156). С. 79–87.
- Брановицкий К. Л., Ярков В. В.* Возможные направления трансформации цивилистического процесса в условиях цифровизации и пандемии: предиктивное правосудие // Право и цифровая экономика. 2021. № 4. С. 7–13.
- Воронцова И. В., Луконина Ю. А.* Дефиниция «искусственный интеллект» и ее семантико-процессуальное значение в судебной системе России и зарубежных стран // Российский судья. 2020. № 10. С. 41–45.
- Лантев В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 96.

Момотов В. В. Искусственный интеллект в судопроизводстве : состояние, перспективы использования // Вестник ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 190.

Морхат П. М. Правосубъектность искусственного интеллекта в сфере права интеллектуальной собственности : гражданско-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 420 с.

Скловский К. И., Костко В. С. О понятии вещи. Деньги. Недвижимость // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 7. С. 115–43.

Соседова М. В. Возможность применения искусственного интеллекта при рассмотрении отдельных гражданских дел : предсказанное правосудие // Арбитражный и гражданский процесс. 2020. № 5. С. 32–37.

Трезубов Е. С. Тенденции цифровизации цивилистического процесса // Вестник гражданского процесса. 2022. № 5. С. 204–227.

Хисамова З. И., Бегисhev И. Р. История становления и теоретико-правовые подходы к толкованию понятия «искусственный интеллект» // Алтайский юридический вестник. 2020. № 3 (31). С. 31–38.

References

Aksenova M. A. The concept of "electronic person" in the legal space // Lawyer. 2020. № 7. P. 18–24.

Argunov A. V. Artificial intelligence will judge? // Bulletin of the civil process. 2018. № 5. P. 48.

Afanasiev S. F. On the problem of material and procedural legal personality of artificial intelligence // Bulletin of the civil process. 2022. № 3. P. 12–31.

Biryukov P. N. Artificial intelligence and "predicted justice": foreign experience // Lex Russica. 2019. № 11 (156). P. 79–87.

Branovitsky K. L., Yarkov V. V. Possible directions for the transformation of the civil process in the context of digitalization and a pandemic: predictive justice // Law and digital economy. 2021. № 4. P. 7–13.

Vorontsova I. V., Lukonina Yu. A. The definition of "artificial intelligence" and its semantic and procedural significance in the judicial system of Russia and foreign countries // Russian judge. 2020. № 10. P. 41–45.

Laptev V. A. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2019. № 2. P. 96.

Momotov V. V. Artificial intelligence in legal proceedings: state, prospects for use // Bulletin of the O. E. Kutafin (MSUA). 2021. № 5. P. 190.

Morkhat P. M. The legal personality of artificial intelligence in the field of intellectual property law: civil law problems: dissertation ... Doctor of Law. M., 2018. 420 p.

Sklovsky K. I., Kostko V. S. About the concept of a thing. Money. Real Estate // Bulletin of economic justice of the Russian Federation. 2018. № 7. P. 115–143.

Sosedova M. V. The possibility of using artificial intelligence when considering individual civil cases: predicted justice // Arbitration and civil process. 2020. № 5. P. 32–37.

Trezubov E. S. Trends in the digitalization of the civil process // Bulletin of the civil process. 2022. № 5. P. 204–227.

Khislamova Z. I., Begishev I. R. The history of formation and theoretical and legal approaches to the interpretation of the concept of "artificial intelligence" // Altai Legal Bulletin. 2020. № 3 (31). P. 31–38.

Воронежский государственный университет
Аулов Д. С., аспирант кафедры гражданского
права и процесса
E-mail: denis.aulov@yandex.ru

Поступила в редакцию: 25.01.2023

Для цитирования:

Аулов Д. С. О перспективах использования технологии искусственного интеллекта в цивилистическом процессе России // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2023. № 1 (52). С. 123–130. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/123-130>.

Voronezh State University
Aulov D. S., Post-graduate Student of the Civil
Law and Process Department
E-mail: denis.aulov@yandex.ru

Received: 25.01.2023

Recommended citation:

Aulov D. S. On the prospects of using artificial intelligence technology in the civil process of Russia // Proceedings of Voronezh State University. Series: Law. 2023. № 1 (52). P. 123–130. DOI: <https://doi.org/10.17308/law/1995-5502/2023/1/123-130>.